

УДК 94(47)"08/16:94(47.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.11

А. А. Кузнецов

**СУДЬБА ЯРОСЛАВА МСТИСЛАВИЧА
НА РАЗВИЛКЕ НОВГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ
(1176–1179 гг.)**

Аннотация. В статье представлена попытка воссоздать эпизоды биографии князя Ярослава Мстиславича (после 1156–1198). Дефицит источников не позволяет представить его полную биографию. Ярослав Мстиславич – сын Мстислава Юрьевича и дочери новгородца Петра Михалковича. Основной массив сведений о Ярославе Мстиславиче относится к периоду 1176–1179 гг. и связан с Новгородом. В это же время в Новгороде женится двоюродный брат Ярослава – Мстислав Ростиславич. Его женой стала родственница матери Ярослава Мстиславича. После ухода из Новгорода Мстислава Ростиславича Ярослав Мстиславич стал новгородским князем в 1176 г. Затем он уступил это место Мстиславу Ростиславичу. В статье доказывается, что в 1176–1179 гг. новгородцы попытались утвердить своего князя и его династию. Кандидатами стали князья Ярослав Мстиславич и Мстислав Ярославич. Этот политический проект не состоялся из-за противодействия владимирского князя Всеволода Юрьевича.

Ключевые слова: Новгород, Ярослав Мстиславич, Мстислав Ростиславич, Владимирское княжество, Петр Михалкович, посадник, князь, альтернатива, Всеволод Большое Гнездо.

Abstract. The article presents an attempt to recreate episodes in the biography of Prince Yaroslav Mstislavich (after 1156–1198). This source does not allow us to present his full biography. Yaroslav Mstislavich is the son of Mstislav Yuryevich and the daughter of a Novgorodian, Pyotr Mikhalkovich. The main array of information about Yaroslav Mstislavich belongs to the period 1176–1179 and is associated with Novgorod. At the same time, Yaroslav's cousin Mstislav Rostislavich is getting married in Novgorod. His wife was a relative of Yaroslav Mstislavich's mother. After Mstislav Rostislavich left Novgorod, Yaroslav Mstislavich became Prince of Novgorod in 1176. The article proves that in 1176–1179 the Novgorodians tried to establish their Prince and his dynasty. Candidates were Prince Jaroslav and Prince Mstislav Yaroslavich. This political project did not take place due to the opposition of Vladimir Prince Vsevolod Yuryevich.

Keywords: Novgorod, Yaroslav Mstislavich, Mstislav Rostislavich, Vladimir Principality, Petr Mikhalkovich, Posadnik, Prince, alternative, Vsevolod Yuryevich (Big Nest).

Про отца князя Ярослава – Мстислава Юрьевича, уже приходилось писать, что его можно считать «героем второго плана» из-за дефицита источников: их не хватает для полноценной реконструкции его биографии (Кузнецов, 2007. С. 193). Применительно к жизнеописанию его сына Ярослава это обстоятельство усиливается по причине малого числа проявлений в истории Руси. Поэтому представить в относительной полноте историю этого Рюриковича невозможно, и остаётся лишь изучать эпизоды с его участием, делая акцент на интерпретацию косвенных данных. Большинство из них связаны с Новгородом. Такую роль «новгородики» в изучении прошлого Древней Руси и её деятелей уже продемонстрировал В. Л. Янин в сюжетах «Печатаей Древней Руси», «Новгородских посадников», «Очерков комплексного источниковедения» и др. Ярким примером виртуозного «обогащения» княжеской генеалогии, политической истории Новгорода и Руси – через сопряжение данных археологии, сфрагистики, летописей и берестяных грамот – является открытие Ивора-Иоанна Всеволодовича и связанное с ним начало смесного суда (Янин, 2001. С. 447–455). И этот сюжет новгородской истории оказывается сопряжённым с княжеским родословием, с дальнейшей политической историей Руси и, опосредованно, с биографией Ярослава Мстиславича.

Минимум фактов с участием князя Ярослава Мстиславича, буквально промелькнувшего на фоне древнерусской и новгородской истории, отчасти компенсируется вниманием к политико-географическому контексту. И в нём важное место занимает Новгород. Его роль в судьбе малозаметного в источниках внука Юрия Долгорукого определяет обращение к исследованиям В. Л. Янина и его коллег по «новгородике». Судьба Ярослава Мстиславича сцеплена с судьбами его дядей Всеволода Юрьевича и Олисея Гречина, двоюродных братьев Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Поэтому исследование, посвящённое конкретному князю и Новгороду, приобретает самостоятельное значение для изучения биографий указанных героев древнерусской истории. И решение проблемы статьи в соотнесении с новгородским прошлым, даёт и новый взгляд на события и действующих лиц истории Новгорода. Их трактовка «от В. Л. Янина» развивается и дополняется.

Впервые Ярослав Мстиславич упомянут под 1176 г. в Лаврентьевской летописи (*Л*) (датировка проведена и уточнена по книге Н. Г. Бережкова (Бережков, 1963)). После смерти Михалка Юрьевича в Ростов из Новгорода прибыл его племянник Мстислав Ростиславич, намеревавшийся изгнать из Владимира своего дядю Всеволода-Дмитрия Юрьевича (Большое Гнездо) и утвердиться во всей Северо-Восточной Руси. Всеволод выступил навстречу противнику, а другого своего племянника *Ярослава Мстиславича* послал за переяславцами (Лаврентьевская летопись, 1997 *Л*). Стб. 379–380). К началу битвы у Юрьева (Польского), успешной для

Всеволода, переяславцы уже находились в его войске (Л. Стб. 381): Ярослав выполнил поручение. В этой истории он – союзник-сателлит дяди Всеволода и противник двоюродного брата Мстислава Ростиславича.

Следующий раз *Ярослав Мстиславич* встречается в Новгородской первой летописи (Н1). После разгрома Мстислава Ростиславича у Юрьева в 1176 г. новгородцы «путь ему показаша и съ сыном Святославом», «и пояша новгородьци у Всеволода» Ярослава (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 2000 (Н1). С. 35, 224).

Новгородское княжение Ярослава Мстиславича длилось до начала январского 1178 года. К тому времени Мстислав и Ярополк Ростиславичи в союзе с рязанским князем Глебом, потерпев ещё одно поражение от Всеволода Юрьевича на Колокше, попали к нему в плен; Глеб умер в порубе, а Ростиславичи были ослеплены и отпущены (Ипатьевская летопись, 1998 (И). Стб. 606). Когда они явились в Новгород, «посадиша новгородьци Мстислава на столе, а Яроплька на Новемь тьргу, а *Ярослава* на Ламьском волоце, и тако ся управиша по воли». В апреле 1178 г. скончался Мстислав Ростиславич, и новгородцы выбрали себе в князья его брата Ярополка (Н1. С. 25, 225). И тогда Всеволод Юрьевич арестовал новгородских купцов и вынудил новгородцев изгнать Ярополка. Тот удалился в Новый Торг. 8 декабря 1178 г. владимирский князь Всеволод взял его штурмом (Н1. С. 35–36, 227; Л. Стб. 386) и потом с частью дружины устремился на Волок-Ламский. Там он захватил своего племянника *Ярослава Мстиславича* и вернулся во Владимир (Л. Стб. 386–387).

В последний раз *Ярослав Мстиславич* упомянут через 20 лет: в 1198 г. он умер в Переяславле (Южном) (Л. Стб. 415).

В сообщении Л 1176 г. Ярослав – помощник своего дяди Всеволода Юрьевича в борьбе против его племянников (и своих двоюродных братьев) Ростиславичей, связанных с Новгородом. 1176–1178 годы по известиям Н1 – это краткий (и наиболее подкреплённый источниковыми сведениями) период жизни Ярослава Мстиславича. Он недолго княжил в Новгороде и оказался в Волоке-Ламском. Видимо, тогда он перестал быть исполнителем воли (подручником) Всеволода Юрьевича, обретя некоторую политическую самостоятельность. Иначе, зачем Всеволоду в декабре 1178 г. брать на щит Волок-Ламский и увозить племянника? Мнение, согласно которому Всеволод Юрьевич был разгневан лишь на новгородцев за то, что они перевели Ярослава в Волок-Ламский, а потому сжёг город и увёз якобы безвольного племянника (Хорошев, 2014. С. 923), не позволяет принять контекст летописных сообщений. Согласно ему, был конфликт со всеми вытекавшими карательными действиями владимирского князя. Однако финал жизни Ярослава Мстиславича в Переяславле (Южном), контролируемом из Владимира, свидетельствует, что к 1198 г. он опять пользовался доверием своего дяди Всеволода Юрьевича.

До 1176 г. о Ярославе источники не сообщают, как и молчат они о двадцати годах его жизни после зимы 1178/1179 г. Гипотетическое за-

полнение «белых пятен» его судьбы возможно лишь при интерпретации всех его данных с учетом истории Новгорода и, шире, Руси в XII в.

Из трёх эпизодов древнерусской истории, где действовал Ярослав Мстиславич, два связаны с Новгородом. Именно новгородский источник позволил узнать крестильное имя Ярослава Мстиславича. На вислой печати № 179 изображены святые Гавриил и Феодор. Поскольку *Феодором* в крещении звали Мстислава – отца Ярослава, то крестильным именем второго было *Гавриил* (Янин, 1970. С. 121, 264, 304).

Сначала надо разобрать сведение о кончине князя в Переяславле, чтобы потом сосредоточиться на новгородских эпизодах. После вывоза из Волока-Ламского Ярослав Мстиславич, наверное, пребывал под своеобразным домашним арестом во Владимирском княжестве. Когда гнев державного дяди остыл, Ярослава и могли отправить в Переяславль на юге Руси. Появление Мстиславича там в летописях не зафиксировано. Возможно, оно связано с повышением интереса в 1190-е гг. владимирского князя Всеволода Юрьевича к этому княжеству, где когда-то правили его отец, брат Глеб и его сын (племянник Всеволода) (до 1187 г.). В 1194 г. по указанию Всеволода III был возобновлен Остерский Городец – владение отца, разоренное в середине XII в. А в 1197 г. Всеволод направил в Переяславль епископа Павла (Л. Стб. 412–414). Вероятно, где-то между 1194 г. и 1197 г. владимирский князь и утвердил сыновца на столе в Переяславле. В ожидании его смерти, случившейся в 1198 г., кочевники могли совершить набег. Для его предупреждения и был сделан превентивный рейд владимирского князя на Дон в 1198 г. (Досаев, 2003. С. 56–57). О важности и значимости в глазах Всеволода Юрьевича этого княжества на юге Руси, а значит, и миссии Ярослава Мстиславича свидетельствует то, что после него в 1201 г. владимирский князь направил своего юного сына Ярослава (Л. Стб. 416).

Предполагаемое прощение Ярослава Мстиславича Всеволодом Юрьевичем контрастирует с бескомпромиссностью последнего. Судить о внутреннем мире и облике Всеволода-Дмитрия, как и любого деятеля Древней Руси, сложно, поскольку душевные качества сглажены стилем исторического монументализма летописания XII в. (Лихачёв, 2015. С. 42–106). Но последовательность наказаний Всеволода по отношению к противникам свидетельствует о жест(о)кости младшего сына Юрия Долгорукого. Сын(ок) Андрея Боголюбского Юрий, изгнанный после гибели отца из Новгорода (Н1. С. 32, 223), встречался с владимирцами Михалка и Всеволода у Кучкова (Москвы), когда они въезжали в Залесскую землю в 1175/1176 гг. (И. Стб. 600). А потом Юрий обнаруживается уже в Закавказье: дядя (Всеволод) изгнал его, и он оказался у половцев, а потом женился на царице Тамар (История и восхваление венценосцев, 1959. С. 39). Двух других племянников – Ростиславичей – Всеволод ослепил. Захваченный с ними рязанский князь Глеб, ранее разоривший Владимир, умер в темнице. Рязанских князей, решившихся на военный союз с Черниговым, пленил в 1207 г., и они до самой его смер-

ти в 1212 г. находились во Владимирском княжестве. В этой цепи находится и жестокое обращение с Новгородом до циничного провоцирования междоусобиц в 1207 г, с одной только целью – подчинить северную вольницу... Всеволод не прощал нанесённых обид и последовательно расправлялся с обидчиками. И контрастом этому проступает реабилитация Всеволодом Юрьевичем своего сыновца Ярослава Мстиславича.

Объяснение ей можно найти в общих детских и юношеских годах Всеволода и Ярослава. Всеволод, не получивший отцовского внимания и воспитания (Юрий Долгорукий умер, когда сын едва ли достиг 3-летнего возраста), в 7-летнем возрасте вместе с матерью и братьями Василием и Мстиславом эмигрировал в Византию (И. Стб. 521).

Мстислав Юрьевич – отец Ярослава. Важной вехой в его биографии стал Новгород. Направленный туда на княжение отцом Юрием Долгоруким он в январе–феврале 1156 г. женился на дочери Петр(ок)а Михалковича (Л. Стб. 346; И. Стб. 482; Гиппиус, 2003а. С. 69–70). Её крестильное имя *Анастасия* (Гиппиус, 2003б. С. 87–89). Она, очевидно, проследовала с Мстиславом в 1161 г. в Византию. С ними уже мог находиться и малолетний сын Ярослав. Его рождение позже – в Византии – маловероятно с учётом ряда обстоятельств. Мстислав Юрьевич получил от правителя Византии назначение в Аскалон, и более о нём ничего не известно. Очевидно, его жизнь завершилась в Византии. А о Ярославе Мстиславиче впервые сообщается (без матери или отца) только под 1176 г., в связи с дядей Всеволодом-Дмитрием. Наверное, с ним Ярослав прибыл из Византии. Первое сведение же о возвратившемся на Русь Всеволоде датируется 1169 г. – ему 14–15 лет. Пускаться в опасный путь на Русь с дядей-юношей 7–8-летнему Ярославу (в ряде работ 2019–2020 гг. автор этих строк ошибочно написал, что Ярослав Мстиславич и Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо) были ровесниками) было проблематичным. Очевидно, что дата его рождения приходилась на время до 1161 г. В случае преждевременной кончины матери (или её ухода в монастырь) Ярослав находился при бабушке (вдове Юрия Долгорукого, матери Всеволода Юрьевича и Мстислава).

Правда, Анастасия Петровна могла уйти в монастырь и при возвращении вдовой на Русь. До пострижения она могла опекать малолетнего сына. Естественно, что в этом случае она должна приехать в родной Новгород. Возвращение могло состояться и раньше 1169 г. Тогда Ярослава Мстиславича должны были воспитывать при дворе деда Петр(ок)а Михалковича. Такое предположение можно дополнить ещё одним. Оно зиждется на признании допущения о присутствии в Византии рядом с Мстиславом Юрьевичем его шурина. Его в Новгороде звали Олисей Гречин (Янин, 2008. С. 92). Будучи старше Ярослава Мстиславича, Олисей мог вернуться домой вместе с сестрой и племянником, а мог – и без старшей сестры, и ничего ему не мешало сопровождать сестричича Ярослава в Новгород к своему отцу и его деду. Нельзя исключать возвраще-

ния Олисея вместе с князьями Всеволодом и Ярославом на Русь и последовавшим отбытием первого в Новгород.

Если же осиротевший Ярослав оказался на Руси вместе с дядей Всеволодом-Дмитрием, то был обречён бороться за свою долю, за своё место среди Рюриковичей. Если же Ярослав (с матерью ли, с уем ли) попал первоначально в Новгород, то в какой-то момент он должен был выдвинуться в Залесскую землю, именно, к стрюю Всеволоду, а не к двоюродным братьям Ростиславичам. И тогда появление Ярослава в стане Всеволода было и его личной инициативой, что снижает вероятность его зависимости от новгородских родственников. Однако Ярослав Мстиславич находился рядом с Всеволодом на момент смерти Михалка Юрьевича в 1176 г. и ухода из Новгорода только что женившегося там Мстислава Ростиславича на дочери Якуна Мирославича (Л. Стб. 380–381; Н1. С. 35, 224). Последнее обстоятельство подрывает тезис о пребывании Ярослава Мстиславича в Новгороде и его поддержке новгородцами до 1176 г. В этом случае надо объяснять выбор Ярослава Мстиславича в пользу Всеволода. Итак, близость, вероятнее всего, Ярослава и Всеволода объясняется их детскими годами в изгнании, воспоминаниями родных о Руси и оставленных там возможностях. Их отношения укрепило и первоначальное политическое прозябание среди Рюриковичей после появления на родине.

На Русь Всеволод и Ярослав вернулись юношами, у которых не было отцовских внимания, примеров и уроков княжеско-политического поведения. Будучи в Византии, они оказались исключенными из многочисленной среды Рюриковичей, её обычаев и межкняжеской борьбы. Попав на Родину, они не могли податься в Залесскую землю, где правил Андрей Боголюбский. Поэтому Всеволод и осел на юге Руси. Видимо, там с ним был и его племянник (или, с меньшей долей вероятности, в Новгороде) – по крайней мере, в зоне кочевников-«федератов». Горькая доля изгоев-чужаков в окружении Рюриковичей-родственников, роль второстепенных князьков эмоционально сближали юного дядю с племянником, сыном старшего брата Мстислава. Гибель Андрея Боголюбского дала им шанс (вместе с Михалком Юрьевичем) утвердиться в Залесской земле. В этом стремлении ещё больше должна была сблизить Всеволода и Ярослава борьба против родственных Ростиславичей в 1176 г. В силу этих обстоятельств Всеволод также мог проявить мягкость к Ярославу после его самостоятельного поведения в Новгороде и простить его уже после 1179 г.

Следующий сюжетный узел биографии Ярослава Мстиславича – это его приглашение на княжение в Новгород. О нём сообщает лишь Н1. Её сообщение 6684 (1176) г. в старшем изводе (Синодальном списке) о том, что «пояше новгородьци у Всеволода сына собе Ярослав» (Н1. С. 35) (в Н1 младшего извода (по Комиссионному списку) в этом случае указан князь Ярослав Мстиславич (Н1. С. 224)), требует дополнительной проверки. У владимирского князя Всеволода Юрьевича сын Ярослав

(Феодор) родился 14 лет спустя – 8 февраля 1190 г. (Л. Стб. 408). Это и ряд других обстоятельств, связанных с событиями и действующими лицами 1174–1179 гг. в истории Северо-Восточной Руси (неверная дата смерти Мстислава Ростиславича, внесение даты о «прозрении» Ростиславичей да и само их «прозрение»), позволяют утверждать что «северо-восточные» сообщения *Н1* старшего извода (Синодальный список) имели источником летопись, близкую к тем, что читаются в *Л* и *И* за этот период, и в новгородское летописание были внесены позже 1190 г. (Кузнецов, 2007. С. 352–355). Можно ещё сдвинуть эту дату на несколько лет, учитывая, что Ярослав Всеволодович должен был подрасти и стать «заметен» новгородским летописцам. Такие операции по пополнению корпуса сведений новгородского летописания должны были сопровождаться и «обратным исчислением» – соотношением этих «северо-восточных» известий с новгородскими – во временной и причинно-следственной последовательности. То есть, в случае использования сообщений *Н1* по периоду 1174–1179 гг. исследователь получает в распоряжение и источник, и результат интерпретации зафиксированных фактов новгородскими книжниками. Поэтому необходимо строго соотносить последовательность событий в новгородской летописи с данными других источников.

Новгородский летописец поместил известие о том, что новгородцы «пояша» Ярослава, после сведений о свадьбе весной 1176 г. Мстислава Ростиславича и дочери Якуна Мирославича, об уходе Мстислава Ростиславича из Новгорода в Ростов по призыву ростовцев, о смерти Михалка, о походе ростовцев и суздальцев во главе с Мстиславом на Владимир, об их поражении от Всеволода (битва под Юрьевым на реке Кзе, упомянутая в *Л*), о попытке возвращения Мстислава в Новгород, о непринятии его там и изгнании вместе с сыном Святославом. Затем после краткого рассказа о приглашении Ярослава Мстиславича на новгородский стол повествуется о походе «на ту же зиму» Мстислава, его брата Ярополка и их зятя Глеба на Суздаль, об их поражении у Колокши, о пленении Глеба с сыном и Мстислава Ростиславича с братом, о смерти Глеба (под 6685 г.), об ослеплении Мстислава и Ярополка Ростиславичей, о прозрении их на Смядыни и о прибытии «на зиму» в Новгород.

Такая событийная сетка, в принципе, согласуется с последовательностью известий в *Л*: смерть Михалка и вокняжение во Владимире Всеволода, привод ростовцами и боярами из Новгорода Мстислава под предлогом кончины Михалка, выход к Владимиру полков Мстислава, встречное выдвижение Всеволода, посылка им Ярослава Мстиславича в Переяславль за подмогой, миротворческое предложение Всеволода и отказ Мстислава, разгром у Юрьева Мстислава, его бегство в Ростов и в Новгород, изгнание Мстислава с сыном новгородцами, приезд Мстислава в Рязань и склонение её князя Глеба к походу против Всеволода, сожжение ими осенью Москвы, выдвижение против них Всеволода из Переславля, встреча в Шерньском лесу «Милонежковой чади» из Новгорода,

уговорившей не ходить без них против врага, возвращение Всеволода во Владимир («приехали к нему Новгородци Милонежкова чадь и рекоша ему княже не ходи без Новгородских сынов поиди на на нь с нами князь же Всеволод послушавъ Новгородець» (Л. Стб. 382–383), поход зимой Всеволода во главе дружины, ростовцев, суздальцев и прибывшего отряда сыновей Святослава Всеволодовича, племянника Владимира Глебовича (новгородцы не упомянуты) против Глеба Рязанского, разграбление половецями из войска Глеба церкви Андрея Боголюбского и сёл, поражение на Колокше Глеба, его сына Романа и Мстиславичей, пленение их и привод во Владимир (Л. Стб. 379–385).

В этой плотной череде событий приглашение Ярослава Мстиславича в Новгород выглядит следствием встречи Всеволода Юрьевича и новгородцев из «Милонежковой чади» и уговоров не ходить без них на Глеба. Новгородцы, согласно *Л*, только-только изгнали Мстислава с сыном. Его виной стало то, что он сам оставил Новгород («ударил еси пятою»), будучи «поваблен» ростовцами. И, в конце концов, его конфликт с Всеволодом рассудил Бог (Л. Стб. 382). Новгородский стол стал вакантным, и новгородцы в Шернском лесу могли запросить у Всеволода на княжение его племянника. Его приглашение сопровождалось обещанием совместного похода против Глеба (умолчание летописи не противоречит допущению, что новгородцы участвовали в битве на Колокше в коалиции Всеволода). При согласовании рассказа *Л*, когда новгородцы предположительно «пояше... себе у Всеволода князя Ярослава Мстиславича», с повествованием *Н1* ему должны предшествовать известия о свадьбе Мстислава Ростиславича в Новгороде, его поражении у Юрьева, непринятии его в Новгороде. После приглашения Ярослава Мстиславича было поражение у Колокши Мстислава и Ярополка Ростиславичей, рязанского князя Глеба (*Н1*. С. 35, 224).

Примечательно, что внук новгородского боярина Петр(ок)а Михалковича Ярослав Мстиславич въехал в город, не принявший перед этим Мстислава Ростиславича. И это произошло, несмотря на недавнюю свадьбу последнего с дочерью посадника Якуна Мирославича (*Н1*. С. 35, 224). Ярослав Мстиславич и Мстислав Ростиславич были двоюродными братьями (их отцы, вероятно, сводные братья), а дочь Петра Михалковича (мать Ярослава Мстиславича) и дочь Якуна Мирославича были троюродными сестрами (Гиппиус, 2003а. С. 73–74). Так складывался родственный тандем князей. И это больше, чем совпадение или знаменательный факт («Судьба... соединила имена Петрока и Якши: оба они отдали своих дочерей замуж за потомков Юрия Долгорукого» (Янин, 2008. С. 66)). В создании такого родственно-политического союза усматривается целенаправленная деятельность боярской группировки, имевшей возможность выдавать своих юных представительниц за потомков Юрия Долгорукого.

Это предположение подтверждается дальнейшим ходом событий. В 1177 г. в Новгород прибыли ослеплённые Мстислав и Ярополк. И вот

уже Мстислава, некогда изгнанного, посадили на новгородском столе, Ярополка – в Новом Торгу, а Ярослава Мстиславича переместили в Волок-Ламский (Н1. С. 35, 225). Возражений с его стороны, попыток возвращения к дяде во Владимир не было. В конце концов, Всеволод Юрьевич «извлёк» племянника из Волока. Этому предшествовали смерть Мстислава Ростиславича 15 апреля 1178 г. и занятие его места братом Ярополком (Л. Стб. 387; Бережков, 1963. С. 246). В *Н1* указана неточная дата кончины Мстислава (20 апреля), но, в отличие от *Л*, дана верная последовательность событий: Мстислав умер (положен в Софии) – его брат Ярополк утверждён на столе в Новгороде – Всеволод арестовал новгородских купцов – новгородцы изгнали Ярополка Ростиславича – Всеволод Юрьевич взял Торжок – новгородцы призвали к себе князя Романа из Смоленска (Н1. С. 35–36, 226). Зато из *Л* можно узнать, что Всеволод взял Новый Торг (Торжок) 8 декабря 1178 г., а затем ударил по Волоку-Ламскому и вывез Ярослава (Л. Стб. 386–387). И получается, что Роман из Смоленска был приглашен после захвата Ярослава.

События зимы 1178–1179 гг. в связи с новгородскими обстоятельствами позволяют предположить, на каких условиях к новгородцам был направлен Ярослав Мстиславич. Речь могла идти о выделении владимирскому князю Всеволоду части новоторжской волости. Разорение Нового Торга (Торжка) в 1178 г. войском Всеволода описано после слов о том, что новоторжцы не выплатили положенной дани. Вероятно, погром города положил начало процесса 1180–1190-х гг. по выделению там владимирской части (Кучкин, 1984. С. 96–97). Ярослав Мстиславич не оправдал ожиданий Всеволода, пойдя на поводу у своих двоюродных братьев и подчинившись их влиянию. Более того, когда Ярополк сел в Торжке, Ярослав был направлен в другой пограничный с Владимиро-Суздальским княжеством город – Волок-Ламский. Но получилось так, что нападение Всеволода Юрьевича на этот город зимой 1178–1179 гг. стало началом «формирования» владимирской части в этой земле (Кучкин, 1984. С. 97).

В. Л. Янин связал события 1176–1179 гг. с борьбой боярских группировок. По его предположению, изгнание князя Мстислава Ростиславича совпало с реконструируемой им сменой посадников – Завида Неревинича (принадлежал к группировке Якуна Мирославича) на Михал(ка)я Степанича, возведшего «новую церковь» архангела Михаила (Янин, 2003. С. 152–153). Действительно, Завид Неревинич (Неверонович) посадничал в 1175–1176 гг. и в 1177–1180 гг., а промежуток между этими периодами (от изгнания Мстислава до его появления в Новгороде ослеплённым и вокняжения) В. Л. Янин предложил заполнить посадником Михал(к)ом Степаничем. Получается, что Мстислав и Ярополк – князья «антивсеговолодовской коалиции», а Ярослав Мстиславич – его ставленник (он же был получен от Всеволода). Но такое объяснение выглядит усложненным из-за преобладания косвенных данных. Постройка Михал(кой)ем Степаничем новой церкви не может свидетельствовать о за-

нятии им должности посадника и последовавшем неприятии новгородцами Мстислава Ростиславича. И. Я. Фроянов, напротив, отмечает, что «несмотря на княжеские пертурбации 1176–1179 гг., посадником в Новгороде оставался один боярин – Завид Неревинич». Объяснение этому историк находит в том, что Всеволоду Юрьевичу противостояла сплотившаяся новгородская община (Фроянов, 1992. С. 240). А если следовать В. Л. Янину, то получается, что новгородцы обиделись на князя, который ранее женился на представительнице их боярского рода и по их воле занимал стол. Обиделись за то, что он бросил Новгород, променяв его на Ростов, и, тем не менее, проиграл схватку; в последнем они могли усмотреть своеобразный Божий суд (Л. Стб. 382). Но доверять полностью этому сведению нельзя по причине его владимирского происхождения. Однако сведения новгородского летописания за тот период достоверны ещё в меньшей степени (см. выше). Поэтому привычная логика ротации новгородских посадников в связи с внешнеполитической конъюнктурой в данном случае уязвима по причинам нехватки источников и интерпретации имеющихся сведений.

С чем связана поддержка частью боярства «антивсеволодовской коалиции» князей (Ростиславичи)? Какую роль здесь играл сам Всеволод Юрьевич, только вступивший в борьбу за Северо-Восточную Русь? Представлял ли он тогда весомую угрозу для Новгорода? Так ведь и Мстислав мог стать ростовским (владимирским) князем, и Всеволод ещё не прочно чувствовал себя на престоле. Он ещё не знал о предстоявших битвах на Колокше, на Влене и Прусковой горе, активны были его конкуренты Ростиславичи. Поэтому Северо-Восточная Русь пока что не была значимым источником беспокойства для Новгорода, и новгородским боярством двигали иные мотивы, нежели ориентация на ту или иную группировку князей. Примечательно и то, что во время борьбы князей за Залесскую землю новгородцы искали себе князя лишь из внуков Юрия Долгорукого, не обращаясь во влиятельные тогда Смоленск, Чернигов, Киев, Волынь. Если Михал(ко) Степанич относился к группировке, на представительнице которой женился Мстислав Ростиславич, то её участниками были и Петр(ок) и Олисей Гречин, дочерью и сестрой которых соответственно была мать Ярослава Мстиславича. И не мог ли этот фактор, а не «провсеволодово назначение», стать решающим при выборе Ярослава на новгородский стол (и предположение о посадничестве Михалка Степановича оказывается избыточным)? К тому же, владимирское летописание не знает об отправке Всеволодом Ярослава в Новгород, а *Н1* сообщает, что инициатива его призвания исходила от новгородцев: «пояша у Всеволода... себе Ярослав». И не учтёнными остаются переговоры «Милонежковой чади» и князя Всеволода Юрьевича в Шерньском лесу.

«Милонежкову чадь» можно связать с первым тысяцким Мил(р)онегом. В 1185 г. Милонег (без указания должности) заложил каменную церковь Вознесения (*Н1*. С. 38, 228), а в 1191 г. архиепископ ос-

вятил эту церковь, что «сздана Милонегом тысяцкымъ» (Н1. С. 39, 230). Каменный храм выстроили на месте сгоревшего в 1175 г. предшественника. Тогда погибло в огне три церкви – Михаила и святого Иакова (на Прусской улице), а также Вознесения (на Добрыне улице) (Н1. С. 34, 223). Ещё до церкви Вознесения была возведена новая церковь архангела Михаила на Прусской улице (1176 г.) Михал(ко)ем Степаничем. Её как патрональную для семьи Пет(рок)а Михалковича (деда Ярослава Мстиславича) церковь определяет А. А. Гиппиус (Гиппиус, 2003а. С. 75). Видеть в этом восстановлении храма признак утверждения на посадничестве Михал(ка)я Степанича не обязательно. Из разнообразных мотивов упоминания новгородцев в *Н1* участие новгородцев в церковном строительстве оказывается самоценным и одним из самых распространенных и устойчивых (Гимон, 2006. С. 322–323, 330, 332). А вот новая церковь Иакова на Добрыне улице, патрональная святыня в локусе Якуна Мирославича (Гиппиус, 2003а. С. 75–76), была срублена позже всех – в 1181 г., без указания имени ктитора (Н1. С. 37, 227).

Мил(р)онег, поставивший церковь, упомянут как тысяцкий, именно в связи с храмостроительством. Это и другие обстоятельства позволили утверждать, что упоминания тысяцких не носили системного характера, не имели самостоятельного значения (низложение/назначение или смерть тысяцкого) (Гимон, 2006. С. 299–302). Всё это не означает второстепенности должности тысяцкого и тех, кто её занимал. Из-за её, так сказать, повседневности тысяцкий не попадал на страницы летописей. Мил(р)онег, и до занятия им должности тысяцкого, мог быть значимой фигурой в Новгороде. Надо отметить, что «Милонежкова чадь» отмечена во владимирском летописании, но не в новгородском (подобно тому, как о браке родителей Ярослава Мстиславича рассказывают *Л* и *И*, но молчит *Н1*).

В обоих случаях Новгород в сведениях неновгородского происхождения представлен Петр(ок)ом Михалковичем и Милонегом (объединяет их принадлежность к Прусской улице). Оба они активны и значительны настолько, чтобы Петр(ок) стал тестем ростовскому князю, а Милонег вёл переговоры от имени новгородцев о совместных военно-политических действиях. Следствием свадьбы Мстислава и дочери Петр(ок)а Михалковича могло стать возвращение на пост посадника родственника и политически близкого Якуна Мирославича весной 1156 г. Результатом переговоров «Милонежковой чади» с Всеволодом Юрьевичем стало получение на новгородский стол Ярослава Мстиславича и удержание успеха группировкой бояр Прусской-Добрыни улиц, достигнутого в результате брака Мстислава Ростиславича и дочери Якуна Мирославича. И весь период 1175–1180 гг. посадником был Завид Неревинич – представитель боярства Неревского конца. И его противостояния с боярством Прусской и Добрыни улиц в источниках не отмечено. Можно говорить об определённой консолидации новгородского боярства, но объяснения этому отличны от тех, что предложил И. Я. Фроянов. Отсутствовало не только дав-

ление Всеволода Юрьевича, но не было воздействия со стороны других князей. Этот образовавшийся вакуум устранил предметы споров между разными боярскими группировками.

При исследовании истории Новгорода, Владимирского княжества и их отношений в 1175–1179 гг. надо обратить внимание не только на различия внуков Юрия Долгорукого, побывавших на новгородском столе в 1176–1177 гг., – Мстислава Ростиславича и Ярослава Мстиславича. Весьма примечательна политико-биографическая общность двоюродных братьев. Они не обладали реальной властью в Северо-Восточной Руси: Ярослав Мстиславич до ухода в Новгород «ходил под рукой» у Всеволода Юрьевича, а Мстислав Ростиславич безуспешно боролся с ним за власть в княжестве. А до событий, вызванных гибелью Андрея Боголюбского, они являлись Рюриковичами без княжества. Мстислав с братом Ярополком, видимо, жили при дворе зятя Глеба в Рязани. Важно еще одно совпадение: их отцы – Ростислав Юрьевич и Мстислав Юрьевич – в разное время княжили в Новгороде. И Ярослав Мстиславич, и Мстислав Ростиславич – внуки Юрия Долгорукого и родственники/свойственники новгородского боярства Прусской и Добрыни улиц. Вот к таким пока еще политически неполноценным князьям и обращались новгородцы, предлагая занять им в разное время свой стол, пока в Залесской земле шла борьба за власть. Более того, первым приглашением Мстислава Ростиславича и его женитьбой новгородцы попытались вывести его из этой борьбы, заставить отказаться от притязаний на владимирский стол.

С учётом вышеизложенных аргументов можно предложить следующую реконструкцию событий. После убийства Андрея Боголюбского в 1174 г. в Северо-Восточной Руси началась борьба за власть, давление из Владимира на Новгород прекратилось. В 1175–1176 гг. Мстислав Ростиславич, уступивший Михалку Юрьевичу, вокняжился в Новгороде. Владимирское летописание отмечает, что он «бежа Новугороду» (Л. Стб. 377). Эта фраза позволяет предполагать, что прибывшему в Новгород Мстиславу новгородцы предложили занять стол, а не просто, как подаётся в Н1: «въниде самъ въ Новъгородъ, бився съ стрьемъ своимъ Михалкомъ, и седе Новегороде» (Н1. С. 34, 223). Когда Мстислав «седе Новегороде», то не имел никакой политической силы и поддержки из-вне. Либо на новгородский стол никто из князей во всей Руси не хотел идти, либо новгородцы самостоятельно остановили свой выбор на нём, предложив побеждённому беглецу стать их князем. Второе выглядит предпочтительным. И в этом случае посажение Мстислава на новгородском столе должно было обставляться каким-то договором, прописывавшим его статус и круг полномочий. Тогда же посадником стал Завид Неревинич. На следующий же год Мстислав Ростиславич женился на дочери Якуна Мирославича (неизвестно, жив ли был экс-посадник в 1176 г.).

В 1176 г. новгородцы получили *своего* князя. Мстислав Ростиславич не был связан ни со смоленскими, ни с черниговскими князьями. А позиция его победителя в Северо-Восточной Руси – Всеволода Юрье-

вича – была ещё шаткой и неустойчивой. Браком с новгородкой Мстислав обещал и перспективы появления новой династии. Такая сторона дела представляется естественной на фоне событий в соседнем Владимирском княжестве, где только-только пресеклась линия потомства Юрия Долгорукого от первого брака в лице Андрея Боголюбского, и стал утверждаться Всеволод. Ему только предстояло ещё стать «Большим Гнездом». Ведь только с рождением у Всеволода сына Константина в 1185 г. началась полноценная династическая история Северо-Восточной Руси (и она могла бы быть другой, не погибни Андрей Юрьевич или одержи победу Мстислав и Ярополк Ростиславичи). Получение своего князя Мстислава Ростиславича как символа независимости Новгорода окупало в глазах боярства издержки возвышения группы Прусской улицы (на тот момент она уравнивалась посадничеством Завида Неревинича). Он привязывался к Новгороду. Однако эту политическую конструкцию сломал сам Мстислав Ростиславич. Его родовая привязанность к Северо-Восточной Руси оказалась сильнее обретаемой через брак новгородской политической идентичности.

Мстислав, польстившись на посулы ростовцев, пытавшихся вернуть статус главного города в Залесской земле, ещё раз попытал счастья в борьбе с дядей Всеволодом. Мстислав покинул Новгород, лишив его князя. И, когда после поражения на Кзе, он попытался вернуться в Новгород, то ему не простили измены и «показали путь». Сообщения *Л* и *Н1* не препятствуют допущению, что, потом подняв рязанского князя Глеба на поход против Всеволода, Мстислав хотел вернуться и в Новгород в качестве его князя. Превентивным предупреждением такого хода событий и могла быть миссия «Милонежковой чади» (другой её целью, как писалось выше, могло быть укрепление позиций группировки Прусской и Добрыни улиц). В ходе переговоров в Шерньском лесу Всеволоду Юрьевичу была обещана новгородская поддержка в войне против Глеба и Ростиславичей, взамен новгородцы просили для своего стола Ярослава Мстиславича на тех же условиях, что были выработаны в связи с Мстиславом Ростиславичем. Главным из них, как представляется, была независимость новгородского князя Ярослава. И Всеволод согласился. В той ситуации он легко мог пойти на то, чтобы близкий ему родственник утвердился князем в Новгороде, как он сам делал во Владимире. Априори распространяемое на Всеволода Юрьевича представление о могуществе и силе, которых он достиг к 1183–1184 гг., не кажется справедливым для 1176 г. Тогда ему ещё предстояло отразить рязанское вторжение, дружины племянников Ростиславичей. Владимирского князя должны были беспокоить ростовцы. В свете такой неопределённости и доверительности отношений с Ярославом Всеволод Юрьевич мог легко согласиться на то, что тот станет новгородским князем.

Договорённости в Шерньском лесу могли затрагивать и территориальные споры по Волоку-Ламскому. Для их разрешения мог быть предложен вариант, согласно которому дани от Волока получал новгород-

ский князь Ярослав Мстиславич. Подобная операция уже имела место в 1117 г., когда Мстислав Владимирович передал Новгороду на время княжения там своего сына значительные земли из Смоленского княжества (Янин, 2008. С. 47–48). Этим можно объяснить и то, почему после вторичного вокняжения Мстислава Ростиславича в Новгороде Ярослава отправили в Волок-Ламский. Формально он получал дани от Волока и сохранял его для Новгорода. Поэтому в 1179 г. Всеволод разорил Волок-Ламский, увезя оттуда Ярослава.

В 1176 г. Ярослав Мстиславич подходил новгородцам для роли, которую они отвели было Мстиславу Ростиславичу. Неизвестно, был ли жив его дед Петр(ок) Михалкович (грамота № 550 с возможно допустимым его упоминанием приходится стратиграфически на период с середины 1160-х гг. по середину 1190-х гг. (Гиппиус, 2003а. С. 72)), но, безусловно, была активна родня Якуна Мирославича (по реконструкции А. А. Гиппиуса двоюродного брата Петрока). А Михал(ко) Степанич – тезка отца Петр(ок)а и лидер этого рода и Прусской улицы, мог доводиться и Петроку и Якуну двоюродным племянником, а, значит, и родичем Ярослава Мстиславича. Так что окружавшие последнего новгородцы были его родственниками по линии матери, имевшими большой политический вес. И Олисей Гречин тоже был рядом. Итак, Ярослав Мстиславич, как и его двоюродный брат Мстислав Ростиславич, персонализировал новгородский политический проект.

Причиной предпочтения Мстислава Ростиславича в ущерб Ярославу Мстиславичу, вероятно, стало то, что представительница группировки Прусской-Добрыни улиц – дочь Якуна Мирославича – являлась здравствующей супругой Мстислава Ростиславича. Она была предпочтительней для новгородцев, нежели уже умершая дочь Петрока Михалковича. Кроме того, должна была отрицательно сказаться и близость Ярослава Мстиславича к Всеволоду Юрьевичу, что могло быть использовано для критики со стороны боярства Неревского конца. А Мстислав в 1177 г., придя вторично в Новгород, не имел никаких политических связей и в этом смысле был независим. Поэтому замена Ярослава Мстиславича на Мстислава Ростиславича была уступкой боярства Прусской улицы посаднику от Неревского конца Завиду Неревиничу стоявшей за ним группировки и давала некоторые гарантии, что новгородский князь не будет в своих действиях исходить из пожеланий владимирского князя.

Тогда же и Ярослав Мстиславич сделал свой выбор не в пользу (и не во вред) Всеволода Юрьевича. Очевидно, он и Мстислав Ростиславич сумели договориться при посредничестве новгородцев. Ярослав не стал возвращаться во Владимир и добровольно уступил место Мстиславу, возможно, с учётом его старшинства. О добровольности свидетельствует и то, что новгородцы не «показали путь» Ярославу и отвели ему Волок-Ламский. Новгородцы же получали ещё резерв князей (без земли, владений и тесных семейных связей) – Ярослава Мстиславича и брата новгородского князя – Ярополка Ростиславича. Их права на власть зависели

больше от старшинства, нежели от новгородских уз Ярослава: сначала дети старшего Юрьевича, затем – Мстиславич (как уже отмечено, Мстислав, вероятно, был сыном Юрия Владимировича от второго брака). Предусмотрительность оправдалась: весной 1178 г. умер Мстислав Ростиславич, и новгородцы возвели на престол Ярополка. Лишь в ответ на такие действия Всеволод Юрьевич, вынудив Ярополка уйти из Новгорода, предусмотрительно лишил новгородцев варианта с Ярославом Мстиславичем.

Наличие в Новгороде враждебно настроенных племянников заставило владимирского князя Всеволода Юрьевича нанести удар в 1179 г. Ярополк покинул Новгород. Из Волока-Ламского вывезен Ярослав. Очевидно, действия и бездействие(?) последнего в 1177–1179 гг. не были связаны с личным предательством дяди Всеволода, и это обстоятельство тоже поспособствовало мягкому обхождению после вывоза из Волока-Ламского. Когда в первой половине 1180-х гг. Всеволод Юрьевич начал последовательно давить Новгород, Ярослав Мстиславич, недавно княживший и имевший там родню, не нужен был рядом. И Всеволод отправил сыновца в степной Переяславль. До смерти Ярослава в 1198 г. Переяславль упоминается как объект некоторой заботы Всеволода Юрьевича, но не такой, чтобы видеть в ней проявление полной власти владимирского князя. Наверное, Ярослав Мстиславич правил там самостоятельно с ограничением в межкняжеских отношениях.

Возвращаясь к Новгороду, надо указать, что Ярослав Мстиславич оказался важной фигурой в момент, когда у Новгорода, а значит и Руси, могло измениться направление истории. «Северное народоправство» могло получить своего князя – основателя династии. Этот князь не был бы связан напрямую с другими княжествами и за ним бы стояла мощь Новгородской государственности. Такой правитель бы обеспечил полноту суверенитета Новгорода. Утверждение этой властной модели состоялось бы при уже укоренившемся институте посадничества.

Политическая история Новгорода в период 1136–1478 гг., когда боярству удалось «лишить князя верховной власти и создать боярскую республику во главе с избираемым на вече посадником», когда «институты республиканской власти прогрессировали», объяснена как развитие вечевого демократии (Янин, 2008. С. 9) с одновременным сведением к определённом минимуму княжеской власти. Исследования В. Л. Янина удревнили этот процесс до 1080-х гг., а по определённым позициям – до X в. (Янин, 2003. С. 73, 83–84; 2008. С. 10). И историк обозначил ряд других тенденций, имевшихся, но не реализовавшихся в полной мере в истории средневекового Новгорода.

Одна из них заключалась в желании новгородской политики получить своего, укоренённого династически князя, выражавшего и отстаивавшего её интересы. Как проявление такой тенденции можно трактовать и обращение новгородцев к Святославу Игоревичу с просьбой дать князя в 968–969 гг., и отказ Ярослава Владимировича выплачивать дань

отцу в 1015 г... Новгород ещё до наступления раздробленности ранее других земель проявлял интерес в своём князе. Эта озабоченность прозвучала в словах новгородцев 1102 г. по поводу Мстислава Владимировича: а въскормили есмы себе князь» (Л. Стб. 276; И. Стб. 251). Для В. Л. Янина они знаменовали веку в развитии новгородских вольностей (Янин, 2003. С. 82–84; 2008. С. 43–44). Однако в них впервые проявляется не только принцип «вольности в князьях» (Янин, 2008. С. 44), но и подготовка с 1088 г. «себе» князя, считавшегося во внутренней политике с боярской спецификой Новгорода. Применительно к такой подготовке В. Л. Янин отметил и то, что условия договора между Новгородом и Всеволодом Ярославичем, сопровождавшего вокняжение Мстислава Владимировича, предусматривали «закрепление Новгорода за потомством Всеволода» (Янин, 2003. С. 84).

Сформировавшаяся к последней трети XI в. традиция «вращения» своего князя не могла в одночасье исчезнуть. Она обнаруживается в княжении Всеволода-Гавриила Мстиславича в 1117–1136 гг. В основе пребывания его на новгородском столе была его клятва: «Хочу у вас умереть» – о ней новгородцы вспомнили в связи с уходом Всеволода в 1132 г. на княжение в Переяславль-Южный (Н1. С. 22, 207). Когда Всеволод-Гавриил мог дать такую клятву? В. Л. Янин считал, что эта клятва сопровождала договор 1117 г. между городом и князем «о пожизненном княжении на новгородском столе» (Янин, 2003. С. 89–90). Однако выводы В. Л. Янина не противоречат ещё двум вариантам датировки клятвы: 1126/1127 г., когда в отсутствие Всеволода князем стал его малолетний сын Ивор-Иоанн, Всеволоду пришлось вновь утвердиться в Новгороде (Янин, 2003. С. 98–99); 1118 год, события которого В. Л. Янин рассматривал в связи с сообщением о посадничестве Дмитра «одину» (Янин, 2003. С. 91). Если разделить текст *Н1* о киевском визите новгородских бояр в 1118 г. на две части: 1) привод Мономахом и Мстиславом новгородских бояр в Киев, чтобы «заводи я к честному кресту», и 2) заточение части оставленных бояр, вызвавших великокняжеский гнев (Н1. С. 21, 204), – то первый фрагмент можно рассматривать как единый и завершённый. Все прибывшие бояре были «заведены» «к честному кресту». И клясться они могли на верность Всеволоду-Гавриилу, и тогда его обещание быть, то есть княжить, в Новгороде до смерти, логически с этим увязывается.

В любом случае, кроме важного пункта договора о посаднике, принципиальным был вопрос «об ограничении права новгородского князя искать себе другие столы» (Янин. С. 91). Именно его нарушение стало основанием для изгнания новгородцами, псковичами и ладожанами после неудачной попытки Всеволода-Гавриила в 1132 г. занять Переяславль (Н1. С. 22, 207). Эта картина – по мотивам, действиям – повторилась в 1176 г., когда новгородцы отказались принять разбитого Мстислава Ростиславича. Он променял новгородское княжение на посулы ростовцев захватить власть в Залесской земле. Эта параллель показывает,

что несостоявшаяся в 1130-е гг. альтернатива новгородской истории с собственной княжеской династией ещё не ушла в прошлое и вновь стала актуальной в 1170-е гг.

В предшествующие 1176 году сорок лет выбор князей в Новгороде осуществлялся под тем или иным внешним нажимом. Он исключал возможность «вскормить» князя «собе». А вот к середине 1170-х гг. сложились благоприятные обстоятельства для обретения Новгородским государством своего постоянного князя. Отсутствие юношеских лет пребывания в Новгороде у своего князя Мстислава Ростиславича новгородцы компенсировали подбором ему жены из боярского рода, а в случае с Ярославом Мстиславичем – напоминанием о новгородских корнях и родственниках.

Только в 1132 г. Всеволода вернули в «Устьях», а Мстислава Ростиславича новгородцы вторично приняли в 1177 г. – после перерыва на княжение Ярослава Мстиславича. После разворота князя «в Устьях» в 1132 г. новгородцы оказались не готовы к резкому разрыву с ним (всё-таки, обещание быть у них до смерти и угроза уничтожения всех республиканских завоеваний притязаниями разных князей на Новгород). А в 1176 г. обстоятельства сложились так, что Мстиславу имелась почти равнозначная альтернатива в лице Ярослава.

Изгнание Всеволода-Гавриила всё же произошло в 1136 г. по причине внутрибоярской борьбы, и одной из его вин было всё то же пренебрежение Новгородом в пользу Переяславля (Н1. С. 24, 209). А вот запоздалое возвращение незрячего Мстислава Ростиславича обернулось не только его вокняжением, но и появлением группы князей, могущих занять новгородский престол. Как у и Всеволода-Гавриила в 1132–1136 гг., у Ростиславичей и Ярослава Мстиславича не было зависимости от княжеских родовых группировок и княжеств.

Сопряжение изученных В. Л. Яниным борьбы боярских группировок в Новгороде в зависимости от ориентации на то или иное княжество, антикняжеской (демократической) составляющей новгородской истории с исследованием мотивации князей, рассмотрением Новгорода как неотъемлемой части политического опыта Древней Руси весьма перспективно. Всё это позволяет обогатить историю новгородской государственности, вывести её в контекст истории всей Восточной Европы XII в.

Кажущаяся фантастичной, на первый взгляд, гипотеза о том, что новгородцы в 1176–1179 гг. сплотились для получения своих князя и династии, приобретает очертания реальности при соотнесении с факторами времени и памяти.

В 1170-е гг. ещё в Новгороде были свежи воспоминания о планах и надеждах 1130-х гг. Якун Мирославич, тесть Мстислава Ростиславича, посадничал в 1137–1141, 1167–1170 гг. Его отцом был Мирослав Гюрятинич – посадник в 1126–1128, 1135–1136 гг. (Янин, 2003. С. 93, 117, 150), то есть в годы возможного утверждения своего князя Всеволода. Предполагаемый отец Мирослава – Гюрята (Гиппиус, 2003а. С. 74) – был

посадником в княжение Мстислава Владимировича (период «вскармливания») (Янин, 2008. С. 45–46). Семейная память на протяжении 3–4-х поколений хранила и передавала воспоминания о политической истории Новгорода.

Политическая ситуация в Новгороде середины XII в. характеризуется и тем, что в «самом сердце Людина конца» – на соседних Прусской и Добрыне улицах – два «крупнейших представителя боярского гнезда» Петр(ок) Михалкович и Якун Мирославич заправляют важными делами (Гиппиус, 2003а. С. 75–76). События второй половины 1170-х гг. демонстрируют усиление этой группировки. Дочь Якуна Мирославича выдана за Мстислава Ростиславича, родственник ещё одного княжеского тестя Петр(ок)а Михалковича – Михал Степанич двигался к занятию посадничьей должности, сын Петр(ок)а Олисей Гречин станет биричем, ещё один представитель Прусской улицы, будущий тысяцкий, инициирует переговоры в Шерньском лесу с князем Всеволодом о приглашении князя Ярослава Мстиславича. Самостоятельные действия представителей этой группировки – самостоятельные инициативы по ведению переговоров, приглашение князя Ярослава, женитьба князя Мстислава – происходят при посаднике Завиде Неревиниче. Они не сопровождаются обсуждениями на вече, не подвергаются нападкам других группировок боярства (насколько это позволяет понять *Н1*, заполнявшаяся позже описываемых событий).

Действия бояр Прусской и Добрыни улиц не связаны с ориентацией на Владимир, Смоленск, Чернигов или киевского князя и не зависят от неё. Эта группировка устанавливает брачные связи с потомками Юрия Долгорукого, у которых пока что нет политико-территориальной и династической укоренённости. Двадцатилетняя – 1150-е – 1170-е гг. – устойчивость действий в этом направлении именно этой части новгородского боярства свидетельствует в пользу гипотезы об особом происхождении рода Гюрятиничей – от Рёнгвальда Ульвсона, родственника супруги Ярослава Мудрого (Гиппиус, 2003а. С. 74. Прим. 19). Не только «матримониаальный интерес Рюриковичей» к этому роду проявился здесь, но и сами его представители использовали это преимущество. И такая активность во второй половине 1170-х гг. при отсутствии какой-либо реакции со стороны остальных новгородцев свидетельствует, что речь шла об утверждении своего князя. Не слышно и не видно посадника Завида Неревинича. Вообще, в 1176–1179 гг. впервые складывается ситуация, когда «посадничество перестало быть «яблоком раздора» между древними частями города» (Петров, 2020. С. 40).

Накладывание генеалогии боярского рода Прусской и Добрыни улиц, дававшего посадников, тысяцких, на моменты, когда Новгород обозначал стремление к обзаведению собственным князем с перспективой династии (Мстислав Владимирович, Всеволод-Гавриил Мстиславич, Мстислав Ростиславич, Ярослав Мстиславич, Мстислав Ростиславич и Ярополк Ростиславичи) показывает наличие определённых политиче-

ских целей и арсенала средств у этой боярской семьи. В последнем у потомков Гюряты в 1150-е–1170-е гг. появились браки новгородок с князьями. Эти узы связали Ярослава Мстиславича с Петр(ок)ом Михалковичем, родственником Якуна Мирославича. С другой стороны, не свойство ли с князьями придавало вес Петроку Михалковичу и его сыну Олисею Гречину, бывшими биричами?

Молчали не только новгородцы (не только *Н1*) по поводу инициатив бояр Прусской и Добрыни улиц. Безучастными по поводу Новгорода всё это время оставались черниговские, смоленские, волынские князья, не слышно было киевского князя. Объяснить это можно тем, что во второй половине 1170-х гг. Новгород выступил субъектом внешнеполитических отношений, а Владимирское княжество после смерти Андрея Боголюбского не проводило наступления на Новгород. В условиях былого прессинга со стороны Залесской земли для противостояния ему новгородцы лавировали между разными княжествами, а у их правителей появлялась возможность предлагать свои кандидатуры на новгородский стол. А когда опасности со стороны Владимира не стало, то и другим князьям нечего стало предложить. И, как следствие, расширились возможности самого Новгорода в определении своей политической будущности.

Подводя итоги, надо отметить следующее. В условиях раздробленной Руси XII в. в Новгороде дважды пытались решить задачу получения своего князя и, в перспективе, своей династии. Причиной фиаско 1130-х гг. на первых порах стала идентичность Всеволода-Гавриила как представителя великокняжеской семьи, имевшего притязания на общерусскую власть. Она оказалась сильнее формируемой в Новгороде новгородской идентичности. Последствия этого были дополнены боярской борьбой и притязаниями на Новгород черниговских князей и Юрия Долгорукого.

Вторая попытка Новгорода получить своего князя и утвердить свою династию состоялась во второй половине 1170-х гг. Она была замкнута исключительно на внуков Юрия Долгорукого по мужской линии. Её надо рассматривать как проявление той же тенденции, которая не воплотилась в жизнь в 1130-х гг. Инициатива исходила от боярской группировки Прусской-Добрыни улиц. К 1170-м гг. в раздробленной Руси число Рюриковичей выросло. Многие из них не имели своих земель и оказывались «подручниками» могущественных князей. К таковым относились в конце 1160-х – первой половине 1170-х гг. Михалко и Всеволод Юрьевичи, их племянники Мстислав и Ярополк Ростиславичи, Ярослав Мстиславич. Их выгодно отличали принадлежность к потомству Юрия Долгорукого, побывавшего киевским князем, а его трёх внуков – ещё и новгородское княжение их отцов. Утверждая их князьями, новгородцы получали представителей великокняжеского рода, имевших права на Новгород. Это позволило бы Новгороду отметить притязания других князей и княжеств.

Ярослав Мстиславич в этой истории невольно оказался фигурой, которой жертвуют. Сначала это сделал Всеволод Юрьевич в пользу новго-

родцев, хотя он и предполагал его успешную политическую карьеру на берегах Волхова, затем – новгородцы в пользу Мстислава Ростиславича. В свою очередь, Ярослав Мстиславич, договорившись с двоюродными братьями Мстиславом и Ярополком об оставлении новгородского престола, вероятно, не предавал Всеволода Юрьевича. А тот лишь, окончательно снимая угрозу со стороны Ярополка и поддерживавших его новгородцев, вынужден был решать вопрос о том, чтобы вывести Ярослава из новгородской комбинации, связанной с его противниками Ростиславичами, и одновременно о даях с Волока-Ламского. В этом эпизоде Всеволода Юрьевича не волновал Новгород как таковой. Ведь после ухода Ярополка из Новгорода и вывоза Ярослава Мстиславича новгородский стол занял смоленский князь, и владимирский князь никак на это не отреагировал.

Предложенная трактовка фрагмента политической истории Новгорода с 1176 г. по 1179 г. как времени, когда новгородцы предприняли попытку переломить сложившуюся за четыре десятка лет традицию приглашения князя и обзавестись своими князем и династией, не кажется невероятной при соотнесении с событиями в других частях раздробленной Руси. Двадцать лет спустя – в 1199 г. – князь Роман Мстиславич присоединил к своему Волынскому княжеству Галицкое (Котляр, 2008. С. 44–45). Раньше такое трудно бы было представить. Галицкое боярство, утратив одну династию, получило другую. С обратным проецированием галицкого прецедента на совокупность и интерпретацию фактов истории Новгорода, Северо-Восточной Руси и внуков Юрия Долгорукого 1176–1179 гг. как второй попытки «севернорусского народоправства» получить своего князя и, возможно, династию приобретает убедительность.

Объединение Галича и Волыни подсказывает и возможный вариант развития событий после получения династии Новгородом. Как черниговским князьям, Даниилу Галицкому и Мстиславу Удатному в начале XIII в. пришлось бороться с боярством Юго-Западной Руси, так и в Новгороде должен был бы возникнуть конфликт между постоянным новгородским князем и боярством по вопросу главенства. Но здесь не обязательно должен был победить князь. Республиканские традиции Новгорода могли привести к низведению князя до уровня чиновника, подвластного республике – политического идеала, который В. Л. Янин восстановил для Новгорода. При этом само по себе получение своего князя позволило бы Новгороду перестать зависеть от политических сил Руси. Новгородская государственность приобрела бы завершённый суверенитет, и история Руси, и Восточной Европы пошла по другому пути.

Этого не произошло, в конечном итоге, по причине смерти Мстислава Ростиславича, из-за восстановления державной владимирской политики после утверждения Всеволода Юрьевича, слабой (по сравнению с Мстиславом) родственной привязанности Ярослава Мстиславича к Новгороду и, конечно, близости к дяде Всеволоду. Но сначала Мстислав покинул Новгород, предпочтя ему власть во Владимирской земле. Не будь

этого поступка и последовавшего поражения, Мстислав бы остался в Новгороде, а Ярослав – при дяде. Это опрометчивое решение Ростиславича не стало фатальным, поскольку Ярослав Мстиславич оказался подходящей заменой при сохранении лояльности Всеволоду Юрьевичу. Но в следующий раз невольно ошиблись новгородцы, заменив Ярослава на незрячего Мстислава. Они не могли предугадать его скорой смерти. Сам Ярослав, по стечению обстоятельств, завершил цикл новгородской истории, который отмечен попытками новгородцев получить своих князя и династию. Завершил этот цикл там, где он начался в 1132 г. – в Переяславле (Русском).

Литература и источники

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. 376 с.

Гимон Т. В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2004: Политические институты Древней Руси. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2006. С. 291–333.

Гиппиус А. А. Петр и Якша: К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 66–76. [а]

Гиппиус А. А. О происхождении новгородских крагиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 76–93. [б]

Досаев А. С. К вопросу о половецком походе 1198 (1199) г. Всеволода Большое Гнездо // Мининские чтения: материалы науч. конф. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. С. 49–59.

Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. 605 с.

История и восхваление венценосцев. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1954. 112 с.

Котляр Н. Ф. Даниил, князь Галицкий. Документальное повествование. СПб.: Алетейя; Киев: Птах, 2008. 320 с.

Кузнецов А. А. Древнерусский князь Мстислав Юрьевич – «второстепенный герой» 1150–1160-х гг. // Человек второго плана в истории: сборник научных статей. Ростов-н/Д: Южный федеральный университет, 2007. Вып. 4. С. 192–208.

Кузнецов Андрей. О хронологических особенностях статей 6682–6686 гг. Новгородской летописи старшего извода // Ruthenica. Т. VI. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2007. С. 352–356.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 350 с.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. I. 496 с. (Л).

Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с. (Н1).

Петров А. В. Вечевой Новгород – город св. Александра Невского как феномен русской истории // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: научный журнал. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2014. Вып. 1 (12): Св. Александр Невский и его эпоха в духовной культуре России. 2020. С. 30–45.

Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 280 с.

Хорошев А. С. Ярослав Мстиславич Красный // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 923.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1970. Т. I. 326 с.

Янин В. Л. К истории преобразования новгородско-княжеских отношений при Всеволоде Мстиславиче // Норна у источника судьбы. Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М.: Индрик, 2001. С. 447–455.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003. 512 с.

Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.